Дюк Степанович (13)

Не белая березынька шатаетце,
Не лазо́ревы цветы расстилаютце —
Молодой Дюк сын Степанович поклоняетце,
Пада́ет своей матушке во резвы́ ноги́,
Просит у ей благословеньица
Съездить-сходить в стольний Киев-град,
Посмотреть там князя со княгиною,
Посмотреть там бояр большебрюхиих
И посмотреть там богатырей преудалыих.
Не давает ему мать благословеньица
Ехать-итти в стольний Киев-град:
«Молодёшенек ты, зеленешенек,
Не умеешь ты с людьми сойтись-съехатца,
Не умеешь с ними поздороватца».
Во второй раз падает во резвы́ ноги́,
Во второй раз просит благословеньица
Съездить-сходить в стольний Киев-град,
Посмотреть князя со княгиною,
Посмотреть бояр большебрюхиих.
Все-таки мать не дала благословеньица:
«Молодешенек ты, чадо милое,
Чадо милое, одинокое,
Не смею я тебе дать благословеньица —
Ты рассоришься с людьми проезжими,
Да набьют тебя понапрасну ведь».
В третей након в ноги падает,
Таковы речи выговаривает:
«Если дашь благословеньица, я поеду,
А не дашь благословеньица, я пешком да пойду».
Мати родимая заплакала, зарыдала горькима слезама:
«Настойчиво ты, неохотливо».
Дала ему благословеньица:
«Поезжай ты с Богом, чем пешком итти».
Мать ему наказывает:
«Не пей ты там зелена́ вина,

Не хвастай своей удачей молодецкоей,
Не хвастай богатством превеликиим,
Не хвастай мной, да старой матушкой».
Вот дала благословеньица,
Пошел Дюк сын Степанович на коню́шен двор.
Пошел на конюшен двор,
Повыбрал себе коня до́брого,
Коня до́брого, троелеточка.
(*Богатство его было — обценить никто не могли.*)
Выбрал коня троелеточка,
Седлал-уздал добра́ коня
Во двенадцать войлышков, во двенадцать плотничков,
Не для басы́ — для крепости.
Наверх клал седелышко зерка́льчато,
В струмена ступил, на коня заскочил,
Потом не видели поездки молоде́цкие,
Только видели: в поле курева́ стоит,
Курева́ стоит, да дым столбом вали́т.
Мелки речки конь перешагивал,
Кру́пны реки перескакивал,
Скакал конь с укатистой на увалистой,
Мелки леса он промеж ног брал,
Кру́пны леса перескакивал.
Выезжал Дюк сын Степанович
На раздолье поля на великое,
Вынимал трубочку подзорную,
Смотрел на все четыре стороны:
По западной стороночке — сер каме́нь лежит,
По северной сторонушке — моря широкие,
Под восточноей сторонушке — леса дремучие,
Под летной сторонушке увидел: стольний Киев-град стоит.
Подъехал к стольне Киеву-граду,
Заехал в стольний Киев-град.

Народу совсем вольного нету, по дороге шляющегося, увидел: только малые ребятушки бегают, шалят.

«Ох вы, малы ребятушки,
Знаете ли, где палаты белокаменны
Солнце-батюшки Владимира-князя?»

Подъехал к палате белокаменной,
Вяжет коня за парадное крыльцо,
За парадное крыльцо, за золото́ кольцо́,
Заходит безо всякого докладица,
Безо всякого решения.
Отворят двери широкие,
Молится по старой религии,
Кланяется во все стороны.
Мать выходит княгиня Апраксения:
«Куда же ты, добрый мо́лодец, направился,
Куда, добрый мо́лодец, путь держи́шь?» —
«До вас, княгиня великая, посмотреть вас
И посмотреть всех ваших людей пода́ныих,
Где же солнышко, бат, Владимир-князь?
Не видать его в палатах белокаменных». —
«Ушел он, сегодня день у нас воскресенье,
Ушел он в церковь божию,
Помолиться да Господу Богу».
И пошел Дюк Степанович во божью церкву,
Стает Чуриле Никитиче (*главный генерал*) под праву руку,
Солнышку-батюшке под леву руку.
(*В середину идет, себя не низит мо́лодец.*)

Потом все бога́тыри изумилисе, что за такой, растолкал всех. Стали его спрашивать: «Откуль ты
приезжал, какого роду-племени?» А он им ответ: «Не то поют теперь, не то слушают, разговора постороннего
не может быть, сейчас молятся.

Господу Богу надо молиться с понятием,
С понятием да с усердием».
Отошла служба воскресенская,
И пошел народ из храма божьего
По своим домам, всяк во свой дом.

Солнышко повел гостя с собой, народу волнение стало: приехал какой великой человек, не простой,
приехал к солнышку без докладу, в церкви Чурилу отпихнул. По всему городу молва пошла. У солнышка
пошел почестен пир. Расставляют столы. Собрал гостей, самых сильных

бога́тырей, самых почетныих.

Вот на пиру стали все веселешеньки,
Все стали пьянешеньки.
Дюк Степанович от калачика верхню корочку откладывает,
Нижню корочку под стол кладет,
Серединку откусыват.
«Верхня корочка пригорелая у вас,
Нижня корочка призадымлена,
А у моей матушки — помело́чко шелко́вое, по́дики серебряны,
Один калачик съешь — по другом душа горит».
А богатые бояре его обнесли:
«Что ты за невежа, за скотина такой,
Наш пир не во что кладешь, царя ничем считашь,
Все нас, богатых да бояр, не тем зовешь!
У нас есть бога́тыри такие — тебя возьмут,
На одну доло́нь посадят, другой доло́нью придавят».
С Чурилой Никитичем они прирасхвастались
Своей удалью великою,
Стали биться о велик заклад:
Через Неву-реку который перескочит,
А не перескочит — с того голова долой.

Наш Дюк Степанович не подаваетце: «Не дорожу я своей головушкой, бьюсь я и документы пишу
о своей головы». Поехали к Неве-реки с Чурилой Никитичем на добрых конях. Чурила Никитич скочил —
в реку упал со добрым конем, плават все там на реке, а Дюк Степанович скочил — через перескочил,
перескочил — обратно скочил, Чурила Никитича хватил за бе́лы во́лосы и со всем конем обратно скочил.
Вот сейчас Дюк Степанович хочет рубить голову Чуриле. Стали его упрашивать: «Перво́й вины да Бог
простит». Дюк сын Степанович и простил перво́й вины. Опять сделали пирушку. А он опять расхвастался:
«Вам не описать у меня богатство великое — чернил, бумаги не хватит».

Матушке письмо в погорелку с конем послал. «Мне матушка пришлет одежду чистую, богатую, —
вам такой не видать». Конь сбегал взад-вперед. Скоро сказка сказывается...

Матушка заплакала, зарыдала.
Нашла самоцветное платье самое дорогое. (*А его уж там заарестовали почти.*) Вот привел конь одежду
великую. Дюк Степанович обрядился в само цветное пальто и шапку и всё наложил. Одежда была, как
зеркало. А по пуговкам проведет, каждая пуговка своим голосом поет. Цены дать не могли. Пошли
конюшен двор описывать. Тоже цены не могли дать. Всё описали и опять сделали пир. Покорил Дюк
сын Степанович, покорил он бога́тырей богатством всех, покорил он стольний Киев-град. И Дюк стал
почетный гражданин, по всему земному шару славится. Вот прославили его, прописали первым бога́тырем,
первым богачом.

(Зап. Лупановой И. П.: авг. 1942 г., сел. Усть-Цильма — от Кислякова Ивана Григорьевича, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.